

— Правильно! Мэйюй права!

Деревенские жители дружно поддержали, а также не смогли удержаться от защиты Су Е:

— Цайци, ты не знаешь, что когда Су Е вернулся из школы, твоя жена его била и ругала. Скажи, когда с тобой случилась беда, твоя жена спряталась, дочь тоже не вернулась помочь, только Су Е, этот ребенок, был готов ради тебя рискнуть и вернуться. Какой же он хороший ребенок, а твоя жена так с ним поступала!

Су Е заранее знал, что так скажут, поэтому сразу же пошел на поводу у всех и... у самого себя, стоя в стороне и с удовольствием наблюдая за этим спектаклем.

Слова жителей, даже если половина гнева Су Цайци была притворной, но вспомнив, что в момент опасности эта женщина даже не показала, а родная дочь была неизвестно где, настоящий гнев начал подниматься в нем.

«Муж и жена — птицы одной стаи, но когда приходит беда, каждый спасается сам». Это действительно подтверждается!

Думая так, Су Цайци снова ударил Ян Цунмэй по голове. Она ударилась затылком о шкаф, и у нее потемнело в глазах.

Ян Цунмэй снова зарыдала и застонала, но никто не подошел помочь.

Это был первый раз, когда Су Цайци применил к ней насилие, и она испытывала не только физическую боль, но и моральное унижение.

Учитывая ее любовь к репутации, как она могла вынести, что муж избивает ее при знакомых? Особенно, ведь она тогда беспокоилась о нем!

— Дорогой, я просто была так расстроена и опечалена, увидев, что с твоими руками случилось такое! Я...

— Заткнись!

Су Цайци снова крикнул, прерывая оправдания Ян Цунмэй. Чтобы выглядеть убедительно, он стал еще более жестоко избивать ее, одновременно ругая:

— Пусть эта стерва будет такой злой! Я люблю Сяо Е как родного сына, мне жаль, если у него выпадет хоть один волос, а ты хотела, чтобы он вместо меня отдал свои руки кредиторам! Эта стерва, сегодня я с тебя шкуру спущу...

Усердная игра Су Цайци заставила жителей поверить, что он любит Су Е как собственного сына, и они восхищались им. Только Су Е, слыша фразы про «родного сына» и «жаль волос», холодно усмехнулся про себя.

В этот момент мимо двери проходила санитарка. Увидев происходящее, она испугалась и поспешила убежать.

Су Е догадался, что она пошла вызвать охрану, и с сожалением вздохнул: жаль, он еще не посмотрелся...

Как раз когда он внутренне сожалел, но внешне сохранял спокойствие, мимо двери прошли два мужчины в костюмах, и эти двое вызвали у него недоумение.

Это были Син Цзыминь и его помощник Ван Инцзе, которых пригласили в университет на лекцию...

Син Цзыминь пришел навестить друга по бизнесу и не ожидал встретить Су Е. Он незаметно взглянул на Су Цайци и Ян Цунмэй, а затем остановил взгляд на Су Е.

На лице Су Е было написано не только беспокойство и жалость к Ян Цунмэй, но и явная борьба с желанием вмешаться и остановить Су Цайци. Однако Син Цзыминь был уверен, что этот юноша на самом деле уже... наслаждался этим...

Син Цзыминь вдруг почувствовал, что этот юноша довольно интересен. Казалось, он превратил свою реальную жизнь в репетицию спектакля?

Отведя взгляд, Син Цзыминь посмотрел на убегающую санитарку и, вспомнив ругательства Су Цайци, понял, почему эта женщина подверглась насилию.

— Останови эту санитарку, дай ей денег, чтобы она занялась своими делами, и также сообщи в больницу, что этим делом не нужно заниматься.

Син Цзыминь сказал это на ходу своему помощнику Ван Инцзе.

— Что? — Ван Инцзе был шокирован.

Их наследник хоть и не был святым, но никогда не делал такого! Когда он вообще вмешивался в чужие дела?

— Ты еще не пошел? — Син Цзыминь холодно взглянул на Ван Инцзе.

— Сейчас!

Ван Инцзе поспешил догнать санитарку и что-то сказал ей, даже достал из кармана несколько сотен юаней.

Су Е, ранее притворившийся, что хочет помочь Ян Цунмэй, стоял недалеко от двери.

Он воспользовался тем, что все внимание было на Су Цайци и Ян Цунмэй, и незаметно подошел к двери. Он увидел, как помощник Син Цзыминя что-то говорит санитарке и дает ей деньги.

Су Е заинтересовался, а затем увидел, как санитарка вернулась с лестницы и вошла в другую палату, похоже, не собираясь вызывать охрану.

В его голове возникла странная догадка: похоже, Син Цзыминь специально заплатил санитарке, чтобы она не вмешивалась?

Су Е был поражен, а Син Цзыминь, словно почувствовав его взгляд, внезапно повернулся.

Их взгляды пересеклись. Холодные, глубокие глаза Син Цзыминя, словно черный нефрит, заставили Су Е вздрогнуть.

Теоретически, он просто посетил лекцию и не задавал вопросов, Син Цзыминь не должен был его запомнить. Но почему-то было чувство, что этот мужчина уже давно его раскусил...

Не дав Су Е подумать, Син Цзыминь тут же без эмоций отвел взгляд и спустился вниз.

Су Цайци все еще усердно играл свою роль, а Су Е вернулся на место и с удовольствием наблюдал, как вдруг у двери раздался пронзительный крик:

— Папа! Что ты делаешь?!

Су Мэйфэнь, пришедшая навестить отца, с ужасом смотрела на мать, свернувшуюся в клубок, и отца, который продолжал ее избивать.

Су Цайци не ожидал, что сегодня придет Су Мэйфэнь, на мгновение замер, но затем продолжил избивать Ян Цунмэй.

Су Мэйфэнь была шокирована, бросилась останавливать Су Цайци и в гневе спросила:

— Папа, ты с ума сошел?! Зачем ты бьешь маму?!

Но, возможно, Су Цайци злился на Су Мэйфэнь за то, что она не вернулась, когда он был в опасности, или просто хотел сыграть роль до конца, чтобы все поверили, что он любит Су Е как родного сына, он ударил свою единственную дочь.

— Убирайся! Ты неблагодарная дочь! Отныне у меня нет дочери, только Су Е — мой сын! — яростно крикнул он.

Удар Су Цайци не был сильным, но он ранил сердце Су Мэйфэнь.

«Хорошо, она признавала, что когда узнала о краже денег, она не думала возвращаться, чтобы помочь отцу, боясь пострадать. Ведь кредиторы были способны на все».

«Но разве это не нормально? Она — родная дочь, единственная кровь. Разве он не должен был защищать ее? Родители должны были оберегать ее, и все будущее должно было принадлежать ей!»

— Папа...

Су Мэйфэнь, которую с детства баловали, никогда не сталкивалась с таким унижением, и слезы сразу потекли по ее щекам. Она громко зарыдала...

Су Е едва заметно улыбнулся. Какими бы ни были намерения Син Цзыминя, он должен быть ему благодарен. Иначе он бы не насладился спектаклем в полной мере, да и Су Цайци, вероятно, не смог бы ударить свою драгоценную дочь!

Су Мэйфэнь плакала так громко, словно хотела, чтобы вся больница слышала. Жители едва сдерживались, чтобы не заткнуть ей рот.

<http://bllate.org/book/16648/1525300>